На пути к изменению глобальной парадигмы: как преодолеть кризис либерального миропорядка¹

Д.Дж. Сноуэр

Сноуэр Деннис Дж. — PhD, президент Global Solutions Initiative (GSI); 180 Friedrichstraße, 10117, Berlin, Germany; E-mail: dennissnowe@ifw-kiel.de

Содержание статьи можно кратко изложить следующим образом. Во-первых, кризис либерального миропорядка возникает из-за несбалансированности наших областей деятельности в социальной, экономической и политической сферах, а также из-за возникающей вследствие этого дестабилизации нашей физической среды. Интеграция мировой экономики породила проблемы, которые выходят за пределы нынешних границ нашего социального и политического сотрудничества. Во-вторых, расширение нашего социального сотрудничества, на основе которого можно расширить и политическое сотрудничество, требует создания соответствующих моральных нарративов. Эти нарративы должны определять бизнес-стратегии, государственную политику и гражданскую деятельность. В-третьих, эти нарративы должны быть дополнены многоуровневыми структурами управления, которые решают проблемы в микро-, мезо- и макро-масштабах. Наконец, опыт человечества в разработке моральных нарративов, поддерживаемых многоуровневыми структурами управления, позволяет сформировать руководящие принципы будущей формы многосторонности, которая позволит нам справиться с указанной проблемой.

Ключевые слова: мировой порядок; кризис

Для цитирования: Сноуэр Д.Дж. (2019) На пути к изменению глобальной парадигмы: как преодолеть кризис либерального миропорядка // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 7–27 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-01.

Текст Д.Дж. Сноуэра «На пути к изменению глобальной парадигмы: как преодолеть кризис либерального миропорядка» переведен и опубликован с разрешения автора².

Вызов

Либеральный миропорядок находится в кризисе. Его симптомы распространены по всему миру: растущее разочарование либеральной демократией как инструментом выражения политических позиций, усиливающаяся критика капитализма как инстру-

¹ Перевод выполнен А.В. Шелеповым, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Автор глубоко признателен М.Э.Д. Герлиху, К. Келли, Р. Лэнгхаммеру и Д.С. Уилсону за обстоятельные комментарии, а также Т. Хоффманн и Я. Зогсу за неоценимую помощь в исследовании.

² Snower D.J. (2018) Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order. Режим доступа: <https://t20japan.org/policy-brief-toward-global-paradigm-change/> (дата обращения: 01.11.2019).

мента распределения и передачи ресурсов, усугубление экологических проблем, растущее недоверие к политическим и экономическим институтам (политические партии, национальные правительства, международные институты, корпорации, средства массовой информации и НПО), рост движений, основанных на идеологии национального и религиозного превосходства, усиление популизма и постепенный отказ от многосторонности.

Я утверждаю, что нынешний кризис мирового порядка является результатом столкновения парадигм в социальной, экономической и политической сферах человеческой деятельности, что имеет серьезные последствия для нашей физической среды. Преобладающая экономическая парадигма — рыночная глобализация — объединила мировую экономику, породив огромное материальное благосостояние, но и вместе с тем ряд сопутствующих проблем, от изменения климата до растущего неравенства и социальной напряженности. Напротив, преобладающие политические и социальные парадигмы, движимые национализмом, религиозной и этнической принадлежностью, фрагментируют наши лояльности.

Чтобы добиться прогресса в решении глобальных проблем, мы должны стремиться изменить наши социальные парадигмы в тех случаях, когда они дезадаптивны, а именно препятствуют нашему материальному и нематериальному процветанию, не позволяя решать проблемы, которые требуют социального сотрудничества в соответствующих масштабах. Затем мы должны стремиться привести экономические и политические парадигмы в гармонию с социальными парадигмами, способствующими процветанию.

Процветающие общества опираются на самоусиливающуюся социальную лояльность на различных уровнях: местном, региональном, национальном и транснациональном. Чтобы экономические и политические системы способствовали процветанию человечества, эти самоусиливающиеся социальные лояльности должны поддерживаться самоусиливающимися экономическими и политическими структурами во всех соответствующих масштабах, от локальных до глобальных. Другими словами, необходимое изменение парадигмы требует сопряжения экономической и политической сфер с хорошо функционирующей социальной сферой в соответствующих макро- и микромасштабах.

Эти цели основаны на хорошо известном понимании процесса многоуровневого отбора, который стимулирует эволюцию человеческих культур³. Люди — это успешный вид, поскольку они могут сотрудничать, чтобы приносить пользу друг другу, даже в ущерб индивидуальным интересам. В культурной эволюции процесс отбора воздействует не только на отдельных людей, но и на группы на разных уровнях. Группы, содержащие более высокую долю кооператоров, могут получить конкурентное преимущество перед группами эгоистичных индивидов, подобно тому, как успешно взаимодействуют группы клеток, составляющих организм. Принципиальное различие между культурным и биологическим отбором на разных уровнях заключается в том, что можно управлять идеями, правилами, нормами и ценностями, которые движут человеческими культурами. Это различие позволяет нам выполнить миссию по преобразованию социальной, экономической и политической сфер в целях содействия процветанию человечества.

Эта миссия имеет три далеко идущих последствия.

Во-первых, в социальной сфере широко признается, что у всех нас есть несколько социальных лояльностей: к нашим семьям, друзьям, коллегам, согражданам, прихожа-

³ См., например: [Wilson, 2015; Wilson, Wilson, 2007; Richerson, Boyd, 2006; Henrich, 2017; Turchin, 2016].

нам той же церкви и т.д. Они позволяют нам сотрудничать друг с другом в нескольких сферах и вести насыщенную, многогранную жизнь. Новая парадигма поощряет гармонию между множеством лояльностей, которая позволяет нам сотрудничать в масштабах, соразмерных вызовам, которые предлагает нам жизнь. Эти взаимодополняющие лояльности обычно основываются на моральных нарративах, поддерживаемых институтами, что приводит к получению личностью прав и возможностей, формированию социальной принадлежности и справедливому распределению выгод. В случаях, когда проблемы являются транснациональными, лояльности также должны быть транснациональными, чтобы патриотизм не вступал в конфликт с космополитизмом.

Во-вторых, политические лояльности должны быть увязаны с социальными, которые способствуют процветанию. Согласно новой парадигме, национализм служит национальным целям, тогда как страны сотрудничают на многосторонней основе для обеспечения глобальных общественных благ и управления глобальным достоянием. Эта новая форма многосторонности должна рассматриваться как средство обеспечения просвещенного национализма. В том же духе новый национализм может стать средством поддержки просвещенного регионализма, локализма и индивидуализма.

В-третьих, в экономической сфере глобализация не должна осуществляться в ущерб местным сообществам. Новая парадигма должна побуждать нас к созданию сильной местной идентичности, в то же время позволяя пожинать плоды специализации и передачи знаний, которые обеспечивает глобализация. Это подразумевает, что ни централизованное экономическое планирование, ни чистая политика невмешательства, скорее всего, не являются парадигмами, которые могут обеспечить устойчивое, инклюзивное и справедливое процветание. Необходима согласованная экономическая политика на микро-, мезо- и макроуровнях, дополняемая усилиями в политической и социальной сферах.

Для этого лидеры бизнеса должны ставить перед собой более широкие задачи, чем максимизация акционерной стоимости, а лица, определяющие экономическую политику, должны измерять свой успех не только уровнем ВВП. Поскольку новая парадигма признает конечной целью бизнеса и политики содействие процветанию человечества, она предполагает нечто большее, чем достижение неких агрегированных экономических результатов (таких как высокие темпы экономического роста). Больше, чем обеспечение справедливого распределения выгод этих результатов между заинтересованными сторонами. Помимо этих целей, новая парадигма побуждает бизнес и политику к обеспечению индивидуальных прав и возможностей (потребность людей самостоятельно определять свою судьбу собственными усилиями) и социальной солидарности (потребность людей быть интегрированными в сообщества, в которых они ощущают свою принадлежность и заботу о себе).

В целом новая парадигма приводит нас к новому социальному контракту, в котором социальная, экономическая и политическая деятельность больше не следуют своей собственной логике, продиктованной существующими институтами, правилами и нормами, а скорее взаимодействуют, чтобы служить нашим основным потребностям на соответствующих уровнях.

Три тектонических плиты человеческих отношений

Мы являемся свидетелями столкновения между тремя тектоническими плитами, на которых основаны человеческие отношения: (1) экономическая сфера, управляющая производством и обменом товарами и услугами, (2) политическая сфера, организующая распределение власти, и (3) социальная сфера, регулирующая наши социальные

взаимодействия. Человеческие дела процветают, а мы существуем в поддерживающих жизнь отношениях с нашей планетой, когда эти области находятся в гармонии, способствуя инклюзивному по отношению к человеку и устойчивому процветанию.

Это означает, во-первых, что границы общества должны в значительной степени совпадать с границами государства. Другими словами, каждой стране нужна достаточная социальная сплоченность для удовлетворения потребностей общества посредством политических процессов, отражающих интересы его членов. Только тогда граждане признают легитимность своих политических представителей. В странах с поляризованными обществами — независимо от того, вызвана ли поляризация неравенством в доходах, благосостоянии и образовании или разной степенью открытости для иностранцев, или наличием враждующих групп — становится трудно, а иногда невозможно установить легитимную власть. Социальная поляризация (измеряемая в терминах кластеров населения, когда люди, принадлежащие к одному кластеру, имеют сходные атрибуты, в то время как люди, принадлежащие к различным кластерам, имеют разные атрибуты) может привести к социальной напряженности и волнениям из-за несовпадения социальных и политических границ [Esteban, Ray, 1994].

Во-вторых, полезно, чтобы границы государственной политики в значительной степени совпадали с границами экономики. В таких условиях правительства могут контролировать правила, регулирующие экономическое взаимодействие, в соответствии с волей своих граждан. Когда границы экономики пересекают множество национальных границ, тогда и границы политики должны также пересекать их за счет многосторонних правил и норм. Иными словами, глобализация требует «полицентричного управления», то есть системы, в которой несколько органов управления взаимодействуют для выработки и обеспечения соблюдения правил, способствующих коллективным действиям [McGinnis, 1999; Carlisle, Gruby, 2017]. В противном случае неизбежно возникнут разногласия по вопросам регулирования экономической деятельности в отношении прав человека, прав трудящихся, вопросов окружающей среды, защиты потребителей и др.

Когда границы общества, государственной политики и экономики в целом совпадают, суверенитет индивида примиряется с суверенитетом экономики и суверенитетом нации (или другого политического образования). Эти вопросы суверенитета — права и власти управляющего агента над собой, без вмешательства других агентов — могут быть пояснены при помощи голосов. Например, демократическое государство работает по принципу «один человек — один голос». Капиталистическая экономика работает по принципу «один доллар — один голос»⁴. Эти два принципа голосования могут быть согласованы друг с другом только в том случае, если избиратели в стране поддерживают экономическую систему, которая вознаграждает людей в соответствии с их покупательной способностью. В демократическом государстве это может произойти только тогда, когда экономическая мобильность достаточно высока, чтобы дать всем людям возможность достичь приемлемой покупательной способности. Если границы общества, государственной политики и экономики существенно различаются, то проблемы суверенитета становятся неразрешимыми, и рано или поздно возникает конфликт.

Как показано в новой обстоятельной книге П. Кольера [Collier, 2018], многие социальные противоречия в развитых западных странах обусловлены пространственным, образовательным и моральным разрывом, который проявляется в социальной, политической и экономической сферах. Во многих странах средний класс выступает якорем для пересекающихся социальных, политических и экономических идентично-

⁴ Сравнение этих принципов голосования см. в [Maira, 2018].

стей и, таким образом, смягчает социальную напряженность. Следовательно, сокращение среднего класса может усилить социальную и политическую напряженность⁵.

Проблема

Кризис либерального миропорядка возник, потому что сместились три тектонических плиты человеческих отношений. Экономическая сфера объединила большую часть мира в единую интегрированную систему производства и обмена. Большинство товаров производится с участием нескольких стран. Глобализация производства сопровождается глобализацией рынков, что позволяет покупателям и продавцам связываться и конкурировать друг с другом по всему миру. По мере того как товары и услуги становятся все более взаимосвязанными, а последние еще и оказываются в электронной форме, их производство и обмен также становятся глобальными. Сегодняшние фабрики и торговые площадки – места, где производятся и обмениваются товары, – простираются через многочисленные национальные границы. Посредством торговли, финансовых потоков и прямых иностранных инвестиций мировая экономика связывает производителей и потребителей в интегрированные сети глобальных цепочек добавленной стоимости. Более того, производство и распространение знаний в экономической сфере также приобрело глобальный характер. Международное движение товаров, услуг и идей, в свою очередь, способствовало международному перемещению людей, хотя миграционные потоки по-прежнему сильно ограничены вследствие национального миграционного контроля.

Однако интеграция мировых экономик не сопровождалась интеграцией политической сферы и обществ. Глобус разделен на множество национальных государств, каждое из них контролирует большинство инструментов своей политики. С ростом национализма границы этих национальных государств также создали более непреодолимые социальные границы. По мере того как этническая, религиозная и классовая идентичность становятся все более заметными, многие национальные государства сталкиваются с фрагментацией в социальной сфере.

Иными словами, границы экономики, государственной политики и общества постепенно отдаляются друг от друга. Это фундаментальная проблема нашего времени, причина кризиса либерального миропорядка. Она создает множество всеобъемлющих угроз, поскольку интеграция мировой экономики породила ряд проблем, которые также являются глобальными: изменение климата, финансовые кризисы, риски ядерного, биологического, химического и киберконфликта, социальные проблемы вследствие миграции, опасность пандемий, интернационализация экономической стагнации и неравенства и многие другие. Эти угрозы могут быть устранены только посредством международного сотрудничества, но этому сотрудничеству препятствует фрагментация в политической и социальной сферах.

Постепенно растет осознание того, что парадигма глобального управления должна измениться, если мы хотим обеспечить мир и процветание. Нынешние институты в области глобальных отношений – ООН, МВФ, Всемирный банк – охватывают широкий спектр взаимосвязанных областей при практически полном отсутствии координации между ними. Такая система международного управления не подходит для гармонизации в экономической, политической и социальной областях.

⁵ См., например: [Birdsall et al., 2000].

Предложение

Что необходимо сделать?

Чтобы добиться прогресса в сопряжении экономической, политической и социальной сфер, нам необходимо обратиться к истокам и выяснить, как человечеству удавалось масштабно сотрудничать в прошлом. Это не первый случай в истории человечества, когда *Homo sapiens* нужно решать проблемы, которые требуют расширения границ сотрудничества. На самом деле, главная причина того, почему люди стали настолько успешны в эволюционном процессе, заключается в нашей способности сотрудничать друг с другом, даже не являясь родственниками. Как мы исполняли этот трюк в прошлом?

Первоначально наша способность использовать язык имела решающее значение для выстраивания перспективного сотрудничества, но язык сам по себе объясняет лишь часть наших способностей к сотрудничеству. Язык повышает способность приобретать репутацию вследствие сотрудничества, побуждая других сотрудничать с нами. Но максимальный размер группы, которая полагается на передачу информации из уст в уста для формирования доверия, составляет около 150 человек.

Чтобы создать более крупные группы, такие как большие многонациональные компании, нации, религии и сети торговли, то есть сообщества, которые могут включать в себя миллионы человек, мы должны были сформировать то, что не удалось, по-видимому, ни одному живому существу: моральные нарративы, поддерживаемые институтами многоуровневого управления. Моральные нарративы создали социальные идентичности для групп нужного размера. Институты многоуровневого управления позволили различным группам сотрудничать друг с другом. Рассмотрим каждый из этих элементов.

Моральные нарративы, определяемые моральными ценностями

Как нарративы могут побудить людей воспринимать себя частью более крупного социального целого, стимулируя их сотрудничать друг с другом посредством принятия дифференцированных социальных ролей? Центральная движущая сила заключается в моральных ценностях. Эти ценности различают добро и зло как цели поведения и определяют кодексы поведения, отличающие правильное от неправильного. Они имеют нормативную силу, побуждающую нас действовать определенным образом. Их целью является обеспечение социального сотрудничества, выходящего за рамки собственных интересов индивидов.

Моральные нарративы позволили человечеству расширить масштабы кооперации с семьи до племени, до деревни, до города-государства, а затем до империй и национальных государств. Теперь нам нужны нарративы, которые позволят расширить социальные и политические границы для решения глобальных проблем, возникающих в результате функционирования глобальной экономики. Генетическое и культурное эволюционное прошлое еще не дало нам ментальных ресурсов для стремления к глобальному сотрудничеству. Напротив, мы склонны искать поддержку в социальных группах ограниченного размера. Эти социальные группы, часто следующие национальным, культурным, религиозным и профессиональным границам, структурируют нашу идентичность и тем самым помогают определить нашу готовность сотрудничать друг с другом. Цели этих групп слабо координируются как централизованно, через международные организации, так и децентрализованно. Наши местные принадлежности более

эмоционально удовлетворительны, чем глобальные. Масштаб рынка превышает масштабы идентичностей, которые мы способны формировать. Таким образом, масштаб наших проблем превышает возможности нашего сотрудничества.

Наши моральные ценности можно рассматривать как психологические адаптации, позволяющие эгоистичным личностям пользоваться преимуществами сотрудничества. Глобализация и современные ИКТ позволяют социальным группам контактировать друг с другом в беспрецедентных масштабах. Наша генетически и культурно обусловленная мораль не подготовила нас к сотрудничеству такого масштаба. Чтобы получать устойчивые материальные выгоды от глобализации, необходимо широкое социальное одобрение многих национальных и культурных групп. Формирование такого одобрения требует справедливого распределения материальных благ между этими группами в экономической сфере, готовности сотрудничать, несмотря на национальные границы, в политической сфере и наличия общего дела для культурных групп в социальной сфере. До настоящего времени процесс глобализации не регулировался соответствующим образом.

Следовательно, наша задача сейчас заключается в создании новых моральных нарративов, затрагивающих локальные, региональные, национальные и глобальные проблемы. Эти нарративы должны укреплять местную идентичность в соответствии с традиционными социальными потребностями людей и локальными проблемами, а также формировать более широкую идентичность, соответствующую более масштабным проблемам. Уже предпринимались различные попытки создать нарративы, которые формируют глобальные идентичности, такие как Всеобщая декларация прав человека, Хартия Земли и т.д. Вклад в создание мотивов, норм и подходов, благоприятствующих формированию общечеловеческой идентичности (через искусство, право, образование, политику, институциональные структуры, личностную трансформацию), имеет большее значение, чем принято считать.

Поскольку мы сейчас проживаем жизнь, обладая множеством идентичностей на разных уровнях социальной агрегации (в отношении наших семей, профессий, хобби, наций, этнических групп, религий), мы должны стремиться объединить эти идентичности с более масштабными, достаточными для решения наших глобальных проблем посредством взаимозаменяемых перспектив и начал Заботы. Это может дать старт благотворному циклу ценностей, включая Заботу, Взаимную справедливость, Авторитет и Лояльность, который определяет индивидуальные идентичности, дополняющие нашу глобальную идентичность.

Конечно, не все аспекты нашей индивидуальной идентичности сохранятся во взаимодействии с нашей глобальной идентичностью. Все спорные, наполненные ненавистью, бесчеловечные аспекты должны отойти на второй план. Такое активное определение индивидуальной идентичности можно подозревать в противоречии нашим индивидуальным свободам. Однако люди во всем мире уже признают желательность таких социальных вмешательств для решения того, что философ и нейробиолог Дж. Грин [Greene, 2013] называет «проблемами я-мы», то есть проблемами ограничения наших индивидуальных интересов в пользу социальных групп. Процесс глобализации и революция в области ИКТ значительно расширили масштабы «проблем мы-они», то есть проблем контроля собственных интересов наших групп в пользу межгруппового сотрудничества.

Человечество прежде уже совершало подвиги всесторонней Заботы. Например, когда рабство превратилось из приемлемой формы международного бизнеса в повсеместно признанное зло. Основной движущей силой этой трансформации была смена перспективы. Благодаря таким книгам, как «Хижина дяди Тома», искусству, по-

литической активности и сообщениям в СМИ люди во всем мире постепенно стали считать рабов существами, обладающими высокими внутренними ценностями, и это в конечном счете привело к криминализации рабства. Кризис, связанный с беженцами в Европе, следует рассматривать как прекрасную возможность инициировать образовательные, правовые и культурные инициативы, необходимые для смены перспективы на основе выхода за пределы нынешних национальных, культурных и религиозных границ.

Расширение кругов принадлежности — посредством нарративов, социальных норм, образования, законов и институтов — сейчас является главной задачей людей, которая стала заметна из-за распространения «проблем без границ». Решение этой задачи будет трудным, поскольку наши моральные инстинкты больше подходят для решения «проблем я-мы», чем «проблем мы-они». Несмотря на международное осуждение рабства, по оценкам ООН, сегодня объектами работорговли по-прежнему являются от 27 до 30 млн человек.

Учитывая нашу склонность к концептуальной разобщенности и приписыванию ситуативным ограничениям людей связи с их характером и предрасположенностью, многие все еще не считают расширение социальной принадлежности очевидным благом. Кроме того, отношения принадлежности, особенно в отсутствие справедливости, взаимности и рационального соотношения целей и средств их достижения, очевидно уязвимы для фрирайда и эксплуатации, например, в случае, когда хакеры получают доступ к учетным записям электронной почты людей, а затем запрашивают деньги у друзей и родственников из их адресных книг. Расширение кругов принадлежности может быть особенно трудным, когда ее уровни вступают в конфликт, например, когда семейная принадлежность вредит племенной, племенная принадлежность вредит национальной или национальная принадлежность вредит интересам мирового сообщества.

Интеграция глобальной экономики и наше все более негативное влияние на глобальную среду требуют развития моральных нарративов, побуждающих к сотрудничеству в беспрецедентно больших масштабах. При этом надо сохранить наше чувство принадлежности на микроуровне, необходимое для решения проблем локального масштаба.

Многоуровневое управление

Но это еще не все. В прошлом, когда нам удавалось расширять социальные границы, мы делали это с помощью институтов многоуровневого управления. Такие институты позволяют локально сплоченным социальным группам сотрудничать друг с другом на региональном уровне, создавая тем самым региональную принадлежность, которая может быть слабее локальной, но достаточной для решения региональных проблем. Другие институты позволяют региональным группам сотрудничать друг с другом на национальном уровне, создавая тем самым национальную принадлежность. Помимо этого, наши глобальные проблемы требуют существования международных институтов, способствующих многостороннему сотрудничеству. Такая многосторонность является политически устойчивой, если создает многостороннюю принадлежность, которая может быть слабее национальной, но достаточна для решения глобальных проблем.

Многоуровневое управление, подкрепленное моральными нарративами, имеет важное значение для установления устойчивого сотрудничества на различных уровнях (местном, региональном, национальном и глобальном), соответствующих уровням на-

ших проблем. Поразительно, что это многоуровневое управление, по сути, повторяет многоуровневый отбор, который занимает важное место в анализе культурной эволюции [Boyd, Richerson, 1985; Richerson, Boyd, 2006; Henrich, 2015]. Теория многоуровневого отбора предполагает, что группы людей могут иметь функциональную организацию, аналогичную группам клеток, составляющих каждого человека. Социальные нормы и институциональные структуры управления могут служить для уменьшения различий и конкуренции на индивидуальном уровне, тем самым сдвигая отбор на групповой уровень. Таким образом, в процессе эволюции отбор может происходить на индивидуальном и различных групповых уровнях. Принципы, необходимые для процветания групп в эволюционном процессе, аналогичны принципам, необходимым для преуспевания отдельных людей. Д.С. Уилсон пишет: «На всех уровнях должны существовать механизмы, которые координируют правильные типы действий и предотвращают разрушительные формы корыстного поведения на более низких уровнях организации» [Wilson, 2015]. У людей существуют индивидуальные и социальные потребности, и они способны удовлетворить эти потребности эгоистичным и кооперативным поведением, но эти типы поведения часто противоречат друг другу. Д.С. Уилсон и Э.О. Уилсон объясняют: «Эгоизм побеждает альтруизм внутри групп. Альтруистические группы побеждают эгоистичные группы. Все остальное — комментарии» [Wilson, Wilson, 2007]. Историю человеческого сотрудничества можно рассматривать как борьбу между эгоистичным индивидуализмом и групповой социальностью.

Э. Остром [Ostrom, 1990; 2010a; 2010b] определила восемь основных принципов, которые позволяют социальным группам избежать «трагедии общин» за счет устойчивого использования общих ресурсов. Эти принципы охватывают социальные, экономические и политические отношения. Во-первых, у группы должны быть сильное чувство социальной идентичности и общая социальная цель. Во-вторых, распределение выгод и издержек должно быть справедливым. В-третьих, процесс принятия решений в группе должен считаться инклюзивным и справедливым. В-четвертых, индивидуальное поведение нужно контролировать, чтобы иметь возможность обнаруживать фрирайды. В-пятых, ненадлежащее поведение надо наказывать посредством дифференцированных санкций. В-шестых, конфликты следует решать быстро и справедливо. В-седьмых, группы должны иметь полномочия организовывать свои собственные дела, чтобы их решения воспринимались как инклюзивные и справедливые. И, наконец, должна быть налажена надлежащая координация между группами в соответствии с «полицентрическим управлением». Эти основные принципы являются хорошей отправной точкой для формирования многоуровневого управления, которое будет способствовать сотрудничеству людей на различных уровнях, на которых возникают локальные, региональные, национальные и глобальные проблемы.

По мере того как наши проблемы становятся все более взаимосвязанными и масштабными, мы сталкиваемся с проблемой создания структур многоуровневого управления, опирающихся на моральные нарративы и действующих в еще больших масштабах. Именно в этом будущее многосторонности.

В процессе развития новых форм многосторонности нам надо переосмыслить будущее демократии и капитализма.

Последствия для изменения глобальной парадигмы

Три сферы человеческой деятельности — экономическая, политическая и социальная — служат развитию сотрудничества, противодействию эгоизму и фрирайду.

Для выполнения этой задачи в каждой из сфер необходимо ответить на два элементарных вопроса:

1. Индивидуальные потребности: какие человеческие потребности следует принимать во внимание?
2. Межличностные сравнения: как сравнивать потребности разных людей при проведении государственной политики?

Ответ на первый вопрос многогранен. У людей есть различные потребности, некоторые из них индивидуальные, а некоторые — социальные. Наши социальные потребности удовлетворяются моральными ценностями, причем разные потребности связаны с разными ценностями. Например, в терминах ценностей, определенных Дж. Хайдтом и его коллегами⁶, «забота» позволяет нам защищать нашу семью и друзей и заботиться о них, «справедливость» позволяет нам использовать синергию в партнерских отношениях, а «лояльность» позволяет формировать сплоченные коалиции. «Авторитет» порождает синергетические отношения в рамках иерархий, а «неприкосновенность» побуждает нас избегать загрязнителей и стремиться к поддержанию здоровья.

Что касается второго вопроса, мир сталкивается с противоречием между тремя точками зрения — противоречием, которое возникло вследствие отрыва политической и экономической сфер от социальной сферы. Экономическая наука, поскольку в ней доминирует концепция *Homo economicus*, заложила основу для такого разделения, так как *Homo economicus* руководствуется исключительно рациональным стремлением к удовлетворению эгоистичных, материалистических потребностей. Три точки зрения на межличностные сравнения благосостояния соответствуют трем сферам: социальной, политической и экономической.

В социальной сфере люди связаны друг с другом в рамках социальных сетей, что может приводить к сотрудничеству, позиционной конкуренции и агрессивным конфликтам. Эти сети обычно движимы моральными нарративами, объединяющими моральные ценности и нормы, а также институтами, созданными для реализации социальных целей. Сети создают идентичности, связанные с социальными ролями в них. Социальные и институциональные силы, поддерживающие сети, порождают награды и наказания, которые часто становятся устойчивыми после своего создания и, следовательно, неспособны к быстрой адаптации при изменении физического и социального контекста. Следовательно, социальные сети могут быть как адаптивными (удовлетворять социальные потребности человека в преобладающих контекстах), так и дезадаптивными. Адаптивные сети обычно способствуют сотрудничеству между людьми в тех масштабах, в которых возникают возможности и угрозы для этих людей; дезадаптивные сети неспособны к этому и могут привести к возникновению пагубных конфликтов.

В политической сфере, как отмечалось, межличностные сравнения благосостояния осуществляются в простой форме в демократических государствах, где все индивидуумы рассматриваются одинаково в соответствии с принципом «один человек — один голос». Этот принцип поддерживается деонтологической этикой Канта, подчеркивающей равную врожденную ценность каждого человека. Но существуют и другие этические основы государственной политики, как согласующиеся с принципом равной врожденной ценности всех людей, так и противоречащие ему. Согласно утилитарной этике Бентама, каждый человек должен быть взвешен по своей полезности с целью достижения «наибольшего счастья наибольшего числа» людей в экономическом, политическом и социальном смысле. Согласно этике Ролза, каждый человек имеет равное право на самые широкие основные свободы (принцип наибольшей равной свободы),

⁶ См., например: [Haidt, Joseph, 2004; 2010; Haidt, 2012].

а проблемы социального и экономического неравенства должны решаться таким образом, который приносит выгоды наименее обеспеченным членам общества (принцип дифференциации). Такое разнообразие моральных основ государственной политики обеспечивает возможность для несоответствия моральных нарративов политики моральным нарративам общества.

В экономической сфере капиталистическая экономика подразумевает межличностные сравнения благосостояния, которые в значительной мере противоречат вышеизложенным взглядам. Капиталистическая экономика оценивает людей с точки зрения их покупательной способности, так как богатые люди имеют больший доступ к товарам и услугам.

Поскольку капиталистическая экономика играет важную роль во многих институтах глобального управления, полезно сравнить экономические и социальные взгляды (табл. 1). Такое сравнение может указать, как должна измениться глобальная парадигма, чтобы привести экономическую и социальную сферу к большей согласованности и тем самым выйти на рекомендации для будущей политики.

Таблица 1. Сравнение экономических и социальных взглядов

	Эгоистичный материализм	Холизм
Индивидуальные потребности	Homo economicus	Homo psycho-socialis
Межличностные сравнения	Акционерный капитализм	Капитализм общественных целей

Источник: составлено автором.

Две строки таблицы связаны с двумя вышеизложенными вопросами. В двух колонках проводится различие между эгоистичным материалистическим акцентом (человеческие потребности, ориентированные на потребление товаров и услуг, межличностные сравнения с точки зрения покупательной способности) и холистическим (охватывающим более широкую концепцию человеческих потребностей, нематериалистические межличностные сравнения благосостояния). Homo economicus ограничивается материальными потребностями, в то время как Homo psycho-socialis имеет широкий спектр человеческих потребностей (материальных и нематериальных, индивидуальных и социальных). Акционерный капитализм основан на материалистических межличностных сравнениях благосостояния, как с точки зрения акцента на потреблении товаров и услуг, так и с точки зрения максимизации акционерной стоимости. Напротив, капитализм общественных целей основан на бизнесе, движимом четко определенными социальными целями.

Пока бизнес и политика были тесно связаны с локальными социальными сетями, гармонизация социальной, экономической и политической сфер происходила совершенно естественно. Многие крупные инновации в бизнесе и политике за последнее столетие — создание общинных банков, кредитных союзов, кооперативов, обществ взаимопомощи, местных советов — стали реакцией на социальные проблемы. Но с прогрессом глобализации и финансовизации мировой экономики экономическая сфера постепенно отделялась от социальной. Политическая сфера оказалась «разорванной» между фрагментированными лояльностями социальной сферы и мировой интеграцией экономической сферы. Многие из существующих в мире социальных, экономических и политических проблем являются следствием этого разделения.

Чтобы привести экономическую сферу в гармонию с социальной, наш тип мышления относительно экономической деятельности (как в бизнесе, так и в политике)

должен сместиться от эгоистичного материализма к холизму. В экономике это будет означать переход от моделей, основанных на Homo economicus, к моделям, в которых учитывается более широкий круг психосоциальных потребностей. В государственной политике это потребует перехода от экономических целей, ориентированных на ВВП, к более широким концепциям благосостояния людей («за пределами ВВП»). Такие оценки благосостояния уже становятся все более распространенными, например, Индекс лучшей жизни ОЭСР, Индекс устойчивого экономического благосостояния, Индикатор подлинного прогресса, Индекс инклюзивного благосостояния, Индекс человеческого развития, Взвешенный индекс социальных индикаторов и многие другие. В частности, был достигнут значительный прогресс в измерении не только экологической устойчивости, но и социальной сплоченности⁷. Если серьезно воспринимать эти показатели благосостояния при разработке государственной политики, социальная сфера может стать более важной в процессе принятия политических решений, а демократический политический процесс сможет лучше реагировать на проблемы общего блага (в отличие от поляризующего давления, которое возникает в результате деятельности многих популистских движений). Этот процесс будет включать не только использование показателей, которые скорректируют ВВП с учетом экологических и социальных воздействий экономической деятельности⁸, но также и показатели, которые дополняют ВВП⁹ или заменяют его¹⁰. При этом политики должны будут полагаться не только на оценки экономистов¹¹, но также социологов¹² и психологов¹³.

В бизнесе это будет означать переход от корпораций, которые максимизируют акционерную стоимость, к корпорациям, которыми движут социальные цели. К. Майер в своей новой книге «Процветание» пишет, что «просвещенные корпорации... выполняют поставленную задачу, уравнивая и интегрируя шесть различных компонентов капитала, участвующих в их деятельности: человеческий капитал (работников, поставщиков и покупателей), интеллектуальный капитал (знания и понимание), материальный капитал (здания и оборудование), природный капитал (окружающую среду, землю и природу), социальный капитал (общественные блага, доверие и социальную инфраструктуру) и финансовый капитал (акционерный капитал и долги)» [Mayer, 2018]. Для реализации этой задачи «корпоративное законодательство должно быть переформулировано таким образом, чтобы появилась возможность требовать от корпораций четкой артикуляции своих целей, пересмотра фидуциарной ответственности советов директоров за достижение заявленных ими целей, составления отчетности, которая измеряла бы их эффективность в отношении этих целей, и внедрения мер стимулирования, отражающих успех в их достижении» [Ibid.].

⁷ См., например: [Chan et al., 2005; Bottoni, 2018].

⁸ Например, Индекс устойчивого экономического благосостояния, Зеленый ВВП, Показатель реальных сбережений (Genuine Savings) и Показатель экономического благосостояния (Measure of Economic Welfare).

⁹ Например, Цели устойчивого развития, Индикаторы устойчивого развития, Система эколого-экономического учета.

¹⁰ К ним относятся показатели счастья и удовлетворенности жизнью, а также другие показатели, такие как Индекс экологической устойчивости, Индекс человеческого развития, Экологический след и Международный индекс счастья.

¹¹ Например, Индекс устойчивого экономического благосостояния и Показатель экономического благосостояния.

¹² Например, Индекс человеческого развития, Индекс социального прогресса и Индекс физического качества жизни.

¹³ Например, показатели счастья, индекс «Счастливые годы жизни» и Индекс личного благополучия.

Эти и многие другие изменения¹⁴ в государственной политике и бизнесе должны осуществляться в увязке друг с другом, чтобы каждое из них стало эффективным и устойчивым. Кроме того, экономические преобразования должны сопровождаться дополняющими политическими преобразованиями, которые поддержат их. Чтобы привести в гармонию социальную, экономическую и политическую сферы, крайне важно учитывать уроки нашей прошлой культурной эволюции. Это означает необходимость продвижения изменений через моральные нарративы, поддерживаемые многоуровневыми структурами управления.

Целесообразность многоуровневого управления подразумевает, что нежелательно стремиться к суверенитету в первую очередь на национальном уровне, так же как нежелательно стремиться к суверенитету в первую очередь на уровне институтов международного управления. И национализм («первым делом — моя страна»), и глобализм (мировое правительство в виде международных организаций) приводят к заблуждениям. Точно так же нежелательно, чтобы полномочия по принятию экономических решений находились в основном у частных экономических агентов (политика невмешательства) или правительства (централизованное планирование). В том же духе мы должны избегать идентичностных монокультур, определяя себя в первую очередь с точки зрения одной социальной группы, будь то религиозная, национальная, этническая, гендерная, классовая, профессиональная или какая-либо другая.

Напротив, нынешний кризис либерального миропорядка требует многоуровневого подхода в социальной, экономической и политической сферах. В социальной сфере мы должны стремиться к множеству идентичностей, которые побуждают нас сотрудничать на соответствующих уровнях: на локальном — для сохранения районов, на региональном — для решения проблем миграции, на глобальном — для борьбы с изменением климата. В экономической сфере нашей целью должно быть распределение полномочий по принятию решений: принятие решений о частном потреблении — на индивидуальном уровне, по программам обновления сельских и городских районов — на мезоуровне, по макроэкономической политике — на национальном уровне. Подразумевается, что нашей целью в политической сфере должно быть многоуровневое управление, которое продвигает многоуровневую экономическую политику и соответствует нашей развивающейся многоуровневой идентичности. Поскольку наши локальные идентичности порождают особенно значимые связи принадлежности, крайне важно, чтобы экономические и политические решения более высокого уровня отражали интересы местных общин. Многоуровневая экономика и политика хорошо функционируют, когда соответствующие процессы идут «снизу вверх».

На пути к новой парадигме

У нас есть веские основания полагать, что управление развивается по указанным направлениям. Мы живем в мире международных институтов, функционирующих «сверху вниз» и децентрализованных инициатив, функционирующих «снизу вверх». После Второй мировой войны сформировались политические межправительственные организации, занимающиеся различными глобальными проблемами: Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Всемирная торговая организация, Всемирная организация здравоохранения, Международный уголовный суд, Интерпол,

¹⁴ Спектр других желательных изменений описан в [Kelly, 2019].

Международный орган по морскому дну, Всемирная таможенная организация, Организация по запрещению химического оружия, Группа ядерных поставщиков, Международное энергетическое агентство, Международная комиссия по пропавшим без вести лицам и многие другие.

Существуют также различные культурные межправительственные организации, такие как Содружество наций, Содружество португалоязычных стран, Франкофония и т.д. Также наблюдается рост числа международных неправительственных организаций (НПО), таких как Международный комитет Красного Креста, организации «Врачи без границ», «Гринпис» и др.

Много организаций работают на мезоуровне. Они объединяют инициативы «сверху вниз» и «снизу вверх». К ним относятся Amnesty International, Transparency International, Глобальный экологический фонд, Международная организация по миграции, Банк международных расчетов, различные банки развития, региональные организации на всех континентах и круглые столы мэров городов. Сотрудничество между городами стало основным источником многостороннего сотрудничества, что подтверждает пример Альянса городов-лидеров в области климатического финансирования [Climate Initiatives Platform, n. d.]. Города также являются важным связующим звеном между политической, бюрократической и социальной сферами¹⁵. Кроме того, существуют местные инициативы по развитию городов, направленные на удовлетворение социальных потребностей, такие как проект развития «Сайгон-Юг»¹⁶.

Поскольку эти организации обладают определенными полномочиями по принятию решений, очевидно, что на практике мы далеко ушли от мира суверенных наций. Но усилия множества международных организаций обычно не скоординированы друг с другом. Эти организации также не уделяют систематического внимания согласованию между экономической, политической и социальной сферами, которое должно иметь место, чтобы международное сотрудничество было устойчивым и легитимным.

Вместо этого нынешняя парадигма глобализации все еще находится в ловушке неуместной веры в «невидимую руку» в отношении трех сфер на глобальном уровне. Согласно этому убеждению, лица, принимающие решения в экономической, политической и социальной сферах, имеют разные обязанности, и при выполнении этих обязанностей «невидимая рука» будто бы направляет их к продвижению глобальных общественных интересов. В частности, ответственность граждан заключается в том, чтобы преследовать свои материальные интересы (что означает максимизацию индивидуальной полезности за счет потребления), ответственность компаний — это ведение бизнеса (то есть максимизация прибыли и акционерной стоимости), ответственность национальных и субнациональных институтов политического управления состоит в том, чтобы преследовать свои конкретные политические цели (например, задачи различных министерств в правительстве), а ответственность международных организаций — преследовать определенные транснациональные и международные цели (опять-таки разделенные между различными центрами принятия решений, как, например, экономические для МВФ и Всемирного банка и социальные для ВОЗ и МУС). Нынешние трудности в обеспечении глобального сотрудничества для борьбы с изменением климата, финансовыми кризисами, решения проблем кибербезопасности и многих

¹⁵ См., например: [Landry, Murray, 2008] о «городской психологии» и инициативе «Сделать города социально сплоченными» Международной федерации жилищного и городского строительства.

¹⁶ В [Kriken, 2017] перечислены девять принципов проектирования: доступность, устойчивость, открытое пространство, плотность, стимулы, разнообразие, совместимость, адаптивность и идентичность.

других, а также сложности в преодолении растущей социальной напряженности во многих странах свидетельствуют о несостоятельности идеи полагания на «невидимую руку» для координации действий лиц, принимающих экономические, политические и социальные решения на микро-, мезо- и макроуровнях.

Новая парадигма, в которой многоуровневая социальная принадлежность должна сочетаться с многоуровневыми политическими и экономическими структурами, призвана содействовать более глубокому согласованию обязанностей в социальной, экономической и политической сферах. После глобального экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. для многих потребителей стало очевидным, что они несут ответственность не только за собственное материальное процветание, и им необходимо принять на себя больше ответственности за окружающую среду и свои сообщества. Точно так же многие лидеры бизнеса осознали, что они должны стремиться не только к максимизации акционерной стоимости, но и уделять больше внимания благополучию своих работников, окружающей среде и местным сообществам, в рамках которых они ведут свою деятельность. В политической сфере также становится все более очевидной необходимость гармонизации властных отношений в политической, экономической и социальной сферах.

Необходимость большего масштаба согласования ответственности ясно иллюстрируется проблемами, с которыми сталкиваются политики ЕС. Европейский союз начался со сосредоточения на «экономическом проекте»: создании единого европейского рынка. Концепция этого рынка постепенно распространялась на «четыре свободы», а именно на свободное перемещение товаров, капитала, услуг и рабочей силы [ЕС, n. d., a]. Для решения возникающих проблем ЕС все больше и больше посвящал себя «политическому проекту», включающему развитие политических институтов, таких как Европейский парламент, Европейский совет, Совет ЕС, Европейская комиссия, Суд ЕС, Европейский центральный банк и Счетная палата, а также широкий спектр децентрализованных агентств. В ответ на возникающие социальные проблемы ЕС прилагал больше усилий к реализации своего «социального проекта». Европейский социальный фонд, первоначально созданный в соответствии с Римским договором об учреждении ЕЭС 1957 г. [ЕС, n. d., b], в настоящее время уделяет все больше внимания социальной сплоченности — улучшению доступа к занятости для людей всех возрастов и профессий, поддержке социальной интеграции лиц из неблагополучных групп населения, содействию доступу к профессиональному обучению, обучению в течение всей жизни и начальному образованию для детей из неблагополучных семей, а также продвижению государственных услуг, чтобы сделать государственные органы более прозрачными и доступными для граждан. Политический акцент на социальной сплоченности также порождает новые усилия по ее измерению с целью оценки социальных последствий политики¹⁷.

Преодолеть недостаточную легитимность, которая обычно приписывается политическим институтам ЕС, — например, большинство европейцев гораздо более лояльны своим национальным представителям, чем депутатам Европарламента, — можно только путем приведения социальной лояльности европейцев в соответствие с политическими инициативами на уровне ЕС. Иными словами, политическая легитимность должна возникать в результате объединения социальных и политических обязательств.

Поскольку люди в разных географических регионах имеют разные социальные нормы, ценности и идентичности, разные страны оправданно создают самостоятельные экономические и политические сферы, функционирование которых направлено

¹⁷ См., например: [Aket et al., 2011; Dicks, Valentova, 2013].

на удовлетворение различающихся социальных потребностей. Чтобы дать различным странам возможность сотрудничать в экономической и политической сферах, справедливо распределять потенциальные выгоды от торговли и решать глобальные проблемы, такие как изменение климата, отдельные национальные экономические и политические системы должны включаться в международное сотрудничество. Это означает, что реализация принципа «первым делом — моя страна» обычно требует многостороннего сотрудничества для использования многосторонних возможностей и решения многосторонних проблем. В новой парадигме должны быть четко определены роли и обязанности местных, национальных и международных институтов, чтобы люди могли решать проблемы, с которыми они сталкиваются, посредством сотрудничества в соответствующем масштабе.

Многосторонние институты должны быть четко определены как механизмы решения многосторонних проблем, выходящих за рамки отдельных стран. Точно так же национальные институты должны стать инструментом решения национальных проблем, которые выходят за рамки компетенции лиц, принимающих решения на региональном и местном уровнях. В тех случаях, когда местные и региональные лояльности сильны, новая парадигма должна уважать принцип субсидиарности, заключающийся в том, что политические институты выполняют только те задачи, которые не могут быть выполнены на локальном уровне. Образовавшиеся сети сотрудничества можно охарактеризовать как «глокализацию», сочетающую глобальные и местные принадлежности. Этот многоуровневый подход к процветанию человека в рамках новой парадигмы позволит трансформировать конфликтный национализм в обоюдоконструктивный патриотизм¹⁸.

Последствия для «Группы двадцати»

Указанное изменение парадигмы имеет серьезные последствия для разработки и реализации политики в рамках «Группы двадцати». Для широких слоев общественности «двадцатка» стала голосом многонациональных групп интересов, которым все больше и больше не доверяют по мере того, как глобальный экономический рост все меньше ассоциируется с локальным процветанием. Во многих политических кругах «двадцатка» рассматривается как голос многосторонности в противоположность национализму, глобального, а не национального управления, наднационального, в отличие от национального, суверенитета. Следствием этого являются вызывающие тревогу повторения протестов против глобализации на саммитах «двадцатки» и расширяющаяся националистическая реакция против глобальных соглашений по изменению климата, миграции и другим глобальным проблемам.

Новая парадигма рассматривает «Группу двадцати» в другом свете. Она призывает «двадцатку» использовать свои уникальные возможности (способность определять глобальную повестку дня и влиять на глобальные нормы; доступ к политикам, экспертам и представителям гражданского общества; экономическое и политическое влияние на международном и национальном уровнях) для создания рамочной основы многоуровневого управления, стимулирующей сопряжение экономических, политиче-

¹⁸ Это моя интерпретация заявления Э. Макрона о том, что «патриотизм — это полная противоположность национализму. Национализм — предательство патриотизма» [Baker, 2018]. А. Меркель пояснила лежащую в основе проблему: «Либо вы один из тех, кто думает, что может со всем разобраться самостоятельно и должен думать только о себе. Это национализм в чистом виде. Это не патриотизм. Потому что патриотизм преследует интересы Германии, принимая во внимание интересы других и принимая взаимно выигрышные ситуации» [Tagesschau.de, 2018].

ских и социальных сфер во всем мире. Поскольку страны различаются с точки зрения идентичности, социальных норм, институтов и исторических традиций, это сопряжение подразумевает разнообразие политик для решения национальных и региональных проблем в сочетании со скоординированным многосторонним подходом к решению глобальных проблем, который принимается как инклюзивный и справедливый. Подразумевается, что «Группа двадцати» должна стать форумом, который будет поощрять разнообразие национальной политики, выявлять примеры передовой практики и препятствовать политике «разорения соседа». Это потребует разработки быстродействующих и справедливых механизмов разрешения конфликтов, касающихся глобальных проблем, включая процессы мониторинга для выявления фрирайда.

В то же время новая парадигма для «двадцатки» должна поддерживать сильную национальную и социальную идентичность, на которой может строиться общее понимание глобальной цели. С помощью финансового трека и трека шерп, различных рабочих групп и групп взаимодействия с партнерами «двадцатка» сможет продвигать многоуровневую систему управления, в которой легитимность частей будет повышать легитимность целого.

Достижение этой цели потребует широкомасштабного обмена взглядами на глобальное, национальное и местное управление между Востоком и Западом, а также между Севером и Югом. Поскольку указанные подходы различаются с точки зрения соотношения индивидуализма и коллективизма, централизации и децентрализации в организации экономической, политической и социальной сферы, а также абсолютного и контекстуального понимания морали, активный обмен между этими подходами обеспечит основу для формирования многоуровневого подхода к решению глобальных и национальных проблем. Этот подход включает в себя понимание многосторонней политики как расширения национальной политики в отношении транснациональных проблем, точно так же как национальная политика является дополнением к местной политике применительно к проблемам, которые отдельные локальные единицы не могут решить самостоятельно. Председательство Японии в «Группе двадцати» в 2019 г. может стать хорошей возможностью для такого обмена мировоззрениями.

В целом преодоление нынешнего кризиса либерального миропорядка требует формирования новой парадигмы нашего мышления о человеческих отношениях. Чтобы жить в процветании, мире друг с другом и в гармонии с природой, нам необходимы две вещи: (1) взаимодополняющие, полицентричные социальные лояльности, которые побуждают нас решать локальные, национальные и глобальные проблемы на соответствующих уровнях, и (2) полицентричные политические лояльности и экономическое сотрудничество, которые дополняют социальные лояльности. Глобализация значительно увеличила масштабы наших проблем. Но мы не должны отчаиваться. Человеческая история — это рассказ о том, как нам удавалось сотрудничать во все более широких масштабах посредством создания моральных нарративов, поддерживаемых многоуровневыми структурами управления. Сейчас наша миссия состоит в том, чтобы создать новые нарративы и структуры управления, подходящие для сопряжения социальной, экономической и политической сфер в глобализованном мире.

Источники

- Aket S. et al. (2011) Measuring and Validating Social Cohesion: A Bottom-Up Approach. CEPS Working Paper, 2011-08.
- Baker L. (2018) With Trump sitting nearby, Macron calls nationalism a betrayal // Reuters. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-ww1-centenary-macron-nationalism/with-trumpsitting-nearby-macron-calls-nationalism-a-betrayal-idUSKCN1NG0IH> (дата обращения: 01.11.2019).
- Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in the Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle Class? Center on Social and Economic Dynamics. Working Paper 14, August.
- Bottoni G. (2018) A Multilevel Measurement Model of Social Cohesion // Social Indicators Research. Vol. 136. P. 835–857.
- Boyd R., Richerson P.J. (1985) Culture and the Evolutionary Process. Chicago: University of Chicago Press.
- Carlisle K., Gruby R. (2017) Polycentric Systems of Governance: A Theoretical Model for the Commons // Policy Studies Journal. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/psj.12212> (дата обращения: 01.09.2019).
- Chan J., To H.-P., Chan E. (2005) Reconsidering Social Cohesion: Developing a Definition and Analytical Framework for Empirical Research // Social Indicators Research. Vol. 75. P. 273–302.
- Climate Initiatives Platform (n. d.) Cities Climate Finance Leadership Alliance (the Alliance). Режим доступа: http://climateinitiativesplatform.org/index.php/Cities_Climate_Finance_Leadership_Alliance (дата обращения: 01.11.2019).
- Collier P. (2018) The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties. L.: Allen Lane.
- Dickes P., Valentova M. (2013) Construction, Validation and Application of the Measurement of Social Cohesion in 47 European Countries and Regions // Social Indicators Research. Vol. 113. P. 827–846.
- Esteban J.-M., Ray D. (1994) On the Measurement of Polarization // Econometrica. Vol. 62. No. 4. P. 819–851.
- European Commission (EC) (n. d., a) The European Single Market. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/growth/single-market/> (дата обращения: 01.11.2019).
- European Commission (EC) (n. d., b) European Social Fund. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/esf/home.jsp> (дата обращения: 01.11.2019).
- Greene J. (2013) Moral Tribes: Emotion, Reason and the Gap between Us and Them. L.: Penguin.
- Henrich J. (2015) The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter. Princeton: Princeton University Press.
- Haidt J. (2012) The Righteous Mind. L.: Allen Lane.
- Haidt J., Joseph C. (2004) Intuitive Ethics: How Innately Prepared Intuitions Generate Culturally Variable Virtues // Daedalus. No. 4. P. 55–66.
- Haidt J., Ksebir S. (2010) Morality. Handbook of Social Psychology / D.G. Fiske, G. Lindzey (eds). Hoboken, NJ: Wiley. P. 797–832.
- Henrich J. (2017) The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter. Princeton: Princeton University Press.
- Kelly C. (2019) Narrative 2.0. G20 Insight Platform, Policy Brief.
- Kriken J.L. (2017) Building Saigon South. Hong Kong: Oro.
- Landry C., Murray C. (2008) Psychology and the City. Gloucestershire: Comedia.
- Maira A. (2018) Capitalism vs Democracy: Consumers vs Citizens. Режим доступа: <http://www.foundingfuel.com/article/capitalism-vs-democracy-consumers-vs-citizens/> (дата обращения: 01.09.2019).
- Mayer C. (2018) Prosperity. Oxford University Press.
- McGinnis M.D. (1999) Polycentric Governance and Development. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ostrom E. (1990) Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press.

Ostrom E. (2010a) Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems // *American Economic Review*. Vol. 100. P. 1–33.

Ostrom E. (2010b) Polycentric Systems for Coping with Collective Action and Global Environmental Change // *Global Environmental Change*. Vol. 20. P. 550–557.

Richerson P.J., Boyd R. (2006) *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Chicago: University of Chicago Press.

Tagesschau.de (2018) Patriotismus statt Nationalismus. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestag-generaldebatte-125.html> (дата обращения: 1.11.2019).

Turchi P. (2016) *Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth*. Storrs, CT: Beresta Books.

Wilson D.S. (2015) *Does Altruism Exist: Culture, Genes and the Welfare of Others*. New Haven: Yale University Press.

Wilson D.S., Wilson E.O. (2007) Rethinking the Theoretical Foundation of Sociobiology // *Quarterly Review of Biology*. Vol. 82. P. 327–348.

Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order

D.J. Snower

Dennis J. Snower – President, Global Solutions Initiative (GSI); 180 Friedrichstraße, 10117, Berlin, Germany;
E-mail: dennisnower@ifw-kiel.de

Abstract

This vision brief may be summarized by the following points. First, the crisis of the liberal world order arises from a misalignment of our social, economic and political domains of activity, along with a resulting destabilization of our physical environment. The integration of the global economy has generated problems that extend beyond our current bounds of social and political cooperation. Second, extending our social cooperation – on which basis our political cooperation can be extended as well – requires the creation of the appropriate moral narratives. These narratives must guide business strategies, public policies and civic activities. Third, these narratives must be supplemented by multilevel governance structures that address challenges at the scale – micro, meso and macro – at which these challenges arise. Finally, past human experience in developing moral narratives, supported by multilevel governance structures, suggests guidelines for a future form of multilateralism that enables us to meet this challenge.

Key words: world order; crisis

For citation: Snower D.J. (2019) Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 7–27 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-01.

“Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order” by D.J. Snower, English text¹. Translated and reproduced with permission.

References

- Aket S. et al. (2011) Measuring and Validating Social Cohesion: A Bottom-Up Approach. CEPS Working Paper, 2011-08.
- Baker L. (2018) With Trump sitting nearby, Macron calls nationalism a betrayal. *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-ww1-centenary-macron-nationalism/with-trumpsitting-nearby-macron-calls-nationalism-a-betrayal-idUSKCN1NG0IH> (accessed 1 November 2019).
- Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in the Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle Class? Center on Social and Economic Dynamics. Working Paper 14, August.
- Bottoni G. (2018) A Multilevel Measurement Model of Social Cohesion. *Social Indicators Research*, vol. 136, pp. 835–57.
- Boyd R., Richerson P.J. (1985) Culture and the Evolutionary Process. Chicago: University of Chicago Press.
- Carlisle K., Gruby R. (2017) Polycentric Systems of Governance: A Theoretical Model for the Commons. *Policy Studies Journal*. Available at: <https://doi.org/10.1111/psj.12212> (accessed 1 November 2019).
- Chan J., To H.-P., Chan E. (2005) Reconsidering Social Cohesion: Developing a Definition and Analytical Framework for Empirical Research. *Social Indicators Research*, vol. 75, pp. 273–302.

¹ Snower D.J. (2018) Toward Global Paradigm Change: Beyond the Crisis of the Liberal World Order. Available at: <https://t20japan.org/policy-brief-toward-global-paradigm-change/> (accessed 1 November 2019).

Climate Initiatives Platform (n. d.) Cities Climate Finance Leadership Alliance (the Alliance). Available at: http://climateinitiativesplatform.org/index.php/Cities_Climate_Finance_Leadership_Alliance (accessed 1 November 2019).

Collier P. (2018) *The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties*. London: Allen Lane.

Dickes P., Valentova M. (2013) Construction, Validation and Application of the Measurement of Social Cohesion in 47 European Countries and Regions. *Social Indicators Research*, vol. 113, pp. 827–46.

Esteban J.-M., Ray D. (1994) On the Measurement of Polarization. *Econometrica*, vol. 62, no 4, pp. 819–51.

European Commission (EC) (n. d., a) The European Single Market. Available at: <http://ec.europa.eu/growth/single-market/> (accessed 1 November 2019).

European Commission (EC) (n. d., b) European Social Fund. Available at: <http://ec.europa.eu/esf/home.jsp> (accessed 1 November 2019).

Greene J. (2013) *Moral Tribes: Emotion, Reason and the Gap between Us and Them*. London: Penguin.

Henrich J. (2015) *The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter*. Princeton: Princeton University Press.

Haidt J. (2012) *The Righteous Mind*. London: Allen Lane.

Haidt J., Joseph C. (2004) Intuitive Ethics: How Innately Prepared Intuitions Generate Culturally Variable Virtues. *Daedalus*, no 4, pp. 55–66.

Haidt J., Kesebir S. (2010) Morality. *Handbook of Social Psychology* (D.G. Fiske, G. Lindzey (eds)). Hoboken, NJ: Wiley, pp. 797–832.

Henrich J. (2017) *The Secret of Our Success: How Culture is Driving Human Evolution, domesticating our Species and Making Us Smarter*. Princeton: Princeton University Press.

Kelly C. (2019) Narrative 2.0. G20 Insight Platform, Policy Brief.

Kriken J.L. (2017) *Building Saigon South*. Hong Kong: Oro.

Landry C., Murray C. (2008) *Psychology and the City*. Gloucestershire: Comedia.

Maira A. (2018) Capitalism vs Democracy: Consumers vs Citizens. Available at: <http://www.foundingfuel.com/article/capitalism-vs-democracy-consumers-vs-citizens/> (accessed 1 November 2019).

Mayer C. (2018) *Prosperity*. Oxford University Press.

McGinnis M.D. (1999) *Polycentric Governance and Development*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Ostrom E. (1990) *Governing the Commons*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ostrom E. (2010a) Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*, vol. 100, pp. 1–33.

Ostrom E. (2010b) Polycentric systems for coping with collective action and global environmental change. *Global Environmental Change*, vol. 20, pp. 550–7.

Richerson P.J., Boyd R. (2006) *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Chicago: University of Chicago Press.

Tagesschau.de (2018) Patriotismus statt Nationalismus. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestag-generaldebatte-125.html> (accessed 1 November 2019).

Turchi P. (2016) *Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth*. Storrs, CT: Beresta Books.

Wilson D.S. (2015) *Does Altruism Exist: Culture, Genes and the Welfare of Others*. New Haven: Yale University Press.

Wilson D.S., Wilson E.O. (2007) Rethinking the Theoretical Foundation of Sociobiology. *Quarterly Review of Biology*, vol. 82, pp. 327–48.